

Чжан Юцай и Чжан Ингда сидели на табуретах и плели бамбуковые корзины, а Чжан Цян послушно сидел рядом, с любопытством разглядывая гостя.

Заметив Линь Ханя, Чжан Юцай поприветствовал его:

— Паренек Линь, дом у нас тесный, ты уж располагайся как удобно, хозяйка с невестками скоро закончат готовить.

Линь Хань перестал стесняться, непринужденно взял табурет, сел и принялся играть с Эргоуцзы.

— Эргоуцзы, сколько тебе лет? — спросил Линь Хань.

— Мне два с половиной года, дядя Линь, — ответил малыш своим нежным детским голоском.

Эргоуцзы был не из робких, а дети всегда тянутся к тем, кто им симпатичен. Увидев, что Линь Хань присел, он поднялся и, пошатываясь, направился к нему.

— Дядя Линь, обними, дядя Линь, обними! — лепетал он.

Ребенок был таким милым, что Линь Хань не удержался, подхватил подошедшего малыша и посадил к себе на колени. Он начал слегка подбрасывать его, отчего Эргоуцзы заливался звонким смехом. Глядя на то, как они ладят, Чжан Ингда очень обрадовался.

Играя с Чжан Цяном, Линь Хань поглядывал на то, как Чжан Юцай с сыном плетут корзины. Видно было, что семья занимается этим уже много лет: движения их были быстрыми и отточенными, а работа спорилась — не успел он оглянуться, как уже вырисовывался каркас нового изделия.

Глядя на готовые корзины, сложенные в стороне, Линь Хань вдруг подумал: у него самого такой вещи нет, а ходить в город за покупками без нее неудобно. Конечно, у него было свое пространственное хранилище, но нельзя же на глазах у всех заставлять вещи исчезать в никуда. Лучше уж купить одну корзину, пригодится в хозяйстве.

— Дядюшка, смотрю, у вас такие добротные и вместительные корзины получаются, — обратился Линь Хань. — Хотел бы купить одну. Почему они у вас?

Чжан Юцай и не ожидал, что приглашение на обед обернется продажей. Обычно они накапливали товар, а потом везли всё разом в город, чтобы сэкономить — ведь поездка на воловье упряжке туда-обратно стоила шесть медных монет. Одна корзина шла по сто монет, но из-за полевых работ удавалось плести их лишь по вечерам, так что на одну уходило дня два-три.

Услышав похвалу, Чжан Юцай с гордостью и радостью ответил:

— Паренек Линь, ты не ошибся, обратившись к нам. В нашей деревне Синхуа никто не плетет корзины лучше, чем мы. Тебе повезло: как раз набралось семь-восемь штук, через пару дней собирались везти на рынок. Вон они, выбирай любую.

Чжан Юцай выставил все готовые изделия напоказ. Линь Хань, не особо разбираясь в тонкостях плетения — ведь все корзины были сделаны руками хозяев и выглядели почти одинаково, — просто выбрал ту, что приглянулась, и сказал:

— Дядюшка, возьму эту.

Чжан Юцай кивнул:

— Хорошо. В городе мы продаем их по сто монет. Раз уж ты берешь прямо у нас дома, отдам за девяносто восемь.

Линь Хань подумал, что сто монет — цена вполне справедливая, в памяти прежнего владельца тела цены на рынке были примерно такими же. Но корзины семьи Чжан были куда лучше обычных, так что их цена явно была выше сотни.

— Нет, дядюшка, давайте по сто монет, — отказался Линь Хань. — Ровная сумма — к удаче.

Он сунул руку за пазуху, якобы доставая деньги — на самом деле он извлек их из пространственного хранилища — и, отсчитав сто монет, протянул их Чжан Юцаю. Тот тщательно пересчитал медяки, убедился, что всё верно, и с простодушной улыбкой сказал:

— Всё верно, паренек Линь.

После этого Линь Хань еще немного поиграл с Чжан Цяном, пока хозяйка дома с невестками не закончили с последним блюдом. Когда женщины начали расставлять тарелки, Линь Хань хотел было помочь, но тетушка Чжан остановила его:

— Ой, ну что ты! Ты же гость, как нам тебя заставлять? Сиди спокойно, сейчас всё подадим.

Она вернулась на кухню, вынесла кадку с рисом и поставила ее на стол рядом с обеденным.

— Сюлянь, неси миски, накладывай рис, — скомандовала она невестке.

— Поняла, матушка, — ответила та.

— Инцзы, принеси палочки, — обратилась она к дочери.

— Хорошо, — отозвалась Чжан Гуйин.

Когда рис был разложен, семья наконец приступила к трапезе. Линь Хань сидел по левую руку от Чжан Юцай. Семья была небольшая, всего шесть человек. На ужин подали пять блюд:

папоротник в маринаде, пресный отварной сельдерей, соленый отварной дикий амарант, жареную свинину с диким луком и обжаренную зелень лапчатника.

Весна в самом разгаре, на межах полно съедобных трав, так что большинство крестьянских семей часто готовили из них. Для семьи Чжан это была привычная еда, но сегодня гвоздем программы стала свинина с диким луком. Поскольку Линь Хань принес им четыре цзиня мяса дикого кабана, тетушка Чжан не поскупилась и добавила его в блюдо. Такое угощение на столе бывало нечасто, и все ели с большим удовольствием. Мясо кабана, привыкшего бегать по лесам, было плотным и упругим, а дикий лук, выросший в чистой природе, придавал блюду тонкий аромат. Сочетание свежести лука и сладости мяса было просто восхитительным, словно весеннее поле на тарелке.

Линь Хань, который после апокалипсиса много лет не видел свежих овощей, был в восторге. Ему нравилось всё, особенно зелень лапчатника — хрустящая, сладковатая и богатая клетчаткой. Папоротник, благодаря добавленному тетушкой Чжан острому перцу, получился в меру пикантным и удивительно приятным на вкус.

Округ Хуайань славился как край воды, и основным злаком здесь был рис. Великая династия Суй процветала, народ жил в достатке, а государь, проявляя милосердие, снизил налоги и повинности. Поэтому в деревне Синхуа ели белый рис. Пусть он не был таким отборным, как в далеком будущем, но был очень хорош: зернышки, приготовленные в кадке, были рассыпчатыми, полными и блестели, словно жемчуг.

Ароматный рис в сочетании с великолепной свининой с луком привел к тому, что Линь Хань неожиданно для себя переел. Видя, что гость ест с таким аппетитом, тетушка Чжан была очень довольна — значит, ее стряпня пришлась ему по вкусу.

<http://bllate.org/book/22439/2357275>